

Геннадий Деринг

Судия

12+

Геннадий Евгеньевич Деринг

Судия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42331477

SelfPub; 2019

Аннотация

Современному человеку несвойственно каяться за свои проступки ни перед Богом, ни перед людьми, которые для удержания в рамках человеческих страстей, изобрели и усовершенствовали Закон. Понятно, почему: покаяние разоружает «разумных двуногих» в их постоянной и бескомпромиссной борьбе за жизненные успехи, за своё человеческое достоинство – блага, которые ценятся сегодня всеми всего дороже. В рассказе описан случай, когда существо неразумное и бессловесное, беззащитное перед человеком, его хозяином и повелителем, заставляет страдать человека разумного и всесильного, признавать перед животным свою фактически невольную вину.

Был я на юбилее одного солидного человека, юриста по профессии. Многие из нас, собравшихся на юбилей, были ему обязаны, многих он выручал когда умным советом, а когда и прямой защитой в судах. Сейчас ведь такое время: только ленивый не судится. Матушка собственность вынуждает. И зашёл между гостями довольно странный разговор. Ну, сначала-то он странным не был. Хозяин – известный адвокат, о чём ещё и говорить его друзьям, как не о преступлении и наказании? Как люди мы все культурные, вспомнили Достоевского. О том, как Раскольниковов совесть замучила. Петлял он петлял перед следователем Порфирием Петровичем и совсем уж было выскочил изо всех петель. Но тут его, как известно, совесть заела.

Возник вопрос: сегодня такой совестливый, «достоевский» преступник возможен? Все хором мы закричали: безусловно, нет! Он и во времена прошлые был, конечно, исключением, если был вообще. Фантазия Фёдора Михайловича! Что уж говорить о временах последних. Хозяин подтвердил, что он не встречал ни раскаивающихся миллионеров, ни обременённых совестью политиков и администраторов, ни просто стыдливых рядовых граждан. Страх – дело другое. Закона все боятся, за исключением самой верхушки общества. Страх, и ничего больше. Поэтому, подчеркнул хозяин, вы не услышите в процессах на вопрос судьи: «Признаёте ли вы свою вину?» ничего, кроме: «Вины категорически не признаю!» Сделки со следствием изредка случаются. Но

ведь это сделка, расчёт, отнюдь не раскаяние.

Опять же, перед кем каяться? По-старому, должны быть страх и стыд перед богом и людьми. Есть божеские заповеди, есть общество с его лицемерием и есть уголовный кодекс. Церковь твердит о возмездии грешникам на небесах, закон расставляет частоколы статей на земле. Современный человек не ходит на исповедь ни к батюшке, ни к прокурору. Он не чувствует себя грешником, да и полно! И вот тут беседа наша приняла вдруг совершенно фантастический характер.

– А может ли мерителем человеческих поступков выступать... животное, а человек – признавать вину и мучиться ей? – спросил, посмеиваясь, адвокат. – Другими словами: может ли в делах человеческих бессловесное и неразумное оказываться высшим судией?

Мы, конечно, подивились такой постановке вопроса. Никто не помнил случая, чтобы человек винился перед скотом. Ведь homo – царь природы! А скот, он и по Библиям скот. На что уж строги церковные регламенты (семь грехов смертных да два десятка грехов для исповеди), и те не предусматривают покаяния человека перед животным.

– В молодости я работал юрисконсультom в пригородном конном заводе. И там я знал одного уважаемого человека, орденoносца, вполне, кстати, нормального, адекватного, который искренно, притом на протяжении многих лет, мучился совестью не перед людьми и не перед богом (он был убеждённым атеистом и членом партии). Он отвечал своей сове-

стью перед... животным.

Мы приготовились слушать...

...жизнью трёх длинных кирпичных конюшен – отделением конного завода – управляет тренер Иван Степанович Елыгин. Он в годах, среднего роста, лоб и скулы его в мелких оспинках, черты лица сухие, глаза смотрят остро, на губах постоянно лёгкая усмешка. Он хромает на левую ногу. Ранило его на войне, ранило, как он считает, удачно. Его постоянно выпрямленная нога как бы специально приспособлена для качалки, она надёжно упирается в подножку.

Каждое утро Елыгин выходит на беговую дорожку заводского ипподрома и, пропуская мимо качалку за качалкой, внимательно присматривается к наездникам и лошадям.

...Сегодня ночью опять был дождь, дорожка набрякла, грязь летит из-под копыт лошадей, велосипедные шины качалок проминают борозды в дерновом покрытии. Рысаки приветствуют Елыгина ржанием, наездники поднимают кепки.

С круга Елыгин направляется в конюшню, где шаркают мётлы, где у стен расставлены вёдра с намытой морковью, а по стенам развешаны картинки по технике безопасности, изображающие взбесившихся лошадей и окровавленные подковы.

Недалеко от входа, посреди коридора, на развязке, на цепях стоит серый жеребец Лаз. Его готовят для работы, для

Елыгина.

– Ну-ка держи, брат... – Елыгин протягивает на ладони сахар. – Будешь, нет?

Серый Лаз быстро подбирает сахар, но Елыгин не сразу отнимает руку от его тёплых губ.

– Что задумался, Иван Степанович? – окликает конюх.

Елыгин сдвигает брови.

– Был у меня жеребёнок, – говорит он медленно. – Знаешь, как он брал сахар?

Конюх сочувственно вздыхает, он знает, о ком идёт речь.

– Не услышишь, – продолжает Елыгин, – а каждую крошечку соберёт. Между пальцев проверит...

Сегодня опять он будет думать о Микроскопе...

Лаза собирают долго. Сначала конюх особым крючком очищает ему копыта, обмывает ноги водой, потом оборачивает их чёрным сукном, бинтует. Забинтовав, надевает Лазу на передние ноги *кабуры*, на задние – ногавки. Сзади к Лазу подводят качалку, запрягают, затягивая бесчисленные ремни.

Елыгин боком садится в качалку, устраивает вначале раненую ногу, потом разбирает вожжи.

Сброшен недоуздок, со стуком упали цепи развязки и, приняв лёгкое пошевеливание вожжей, Лаз устремляется в раскрытые ворота.

Лаз широк в кости, плотен, с длинным станом и лебединой шеей, настоящий орловец.

Два круга тротом, два круга махом... Голова Лаза застывает, в глазах удивление, ноги чётко отбивают такт рыси. На удилах закипает пена. Елыгин прищурился. Слегка наклонившись в сторону, он пристально следит за поведением Лаза. Обычно широкие, привольные движения лошади сегодня несколько стеснены.

– На левую жалуешься? – спрашивает Елыгин и тут же отвечает на свой вопрос: – Нет, на левую падаешь, правую освобождаешь. Значит, что-то с правой...

Сегодня Елыгин будет долго искать больное место в плече Лаза, пока Лаз не вздрогнет, а пальцы не различат крошечное плотное пятнышко, место, где сохнет мышца.

Руки наездника! Их можно сравнить с руками музыканта. И для наездника необходима особая гибкость в плече, локте и кисти, чтобы в заездах управлять лошастью мизинцами. Легчайшее, неуловимое движение этих мизинцев, и лошадь делает мощный рывок или сбрасывает пейс. Пальцы наездника, скользнув по храпу коня, мгновенно успокоят его, найдут вот это больное пятнышко, которое порой не в силах обнаружить врачи.

Два круга тротом, два круга махом... Километров пятнадцать пройдёт Лаз в утреннюю работу. Из-под копыт брызги, из-под колёс качалки – вода. Хвост Лаза заплетён в короткую толстую косу. Круп его прикрыт большим грубым фартуком. Елыгин в непробиваемом глухом комбинезоне. Грязь летит на робу и постепенно, круг за кругом, покрывает её сплошь.

И так изо дня в день, из года в год...

Шесть лет назад Кулыгин выводил по утрам на дорожку другого жеребёнка, Микроскопа.

Беговая карьера Микроскопа была коротка на редкость. В одно лето он, никому не известный, стал первым орловцем, в двухлетнем возрасте перешагнувшим рубеж две минуты семнадцать секунд. Так быстро ещё никто не пробегал круг ипподрома – тысячу шестьсот метров!

Но миновало скоропалительное, хмельное, победное лето и Микроскоп навсегда исчез с ипподромных горизонтов. Дважды побив рекорд, показав замечательное время, он был продан в Ирбит со скромным аттестатом улучшателя массового коневодства.

Его результат не превзойдён до сих пор, имя его навсегда осталось в таблице рекордов. Ещё и теперь случается увидеть отблеск его короткой истории в каком-нибудь учёном споре на страницах специального журнала. Одни утверждают, что рекордисты всех времён имели серую масть, другие выдвигают контрдовод: Микроскоп был вороным...

... Чмокает набрякшая дорожка под копытами серого Лаза, летит навстречу тяжёлый сырой ветер, неспешны мысли Елыгина. Перебирает он день за днём ту осень, хмурится, улыбается, и, как к обрыву, прихотливая мысль воспоминаний приводит его к последнему, рекордному заезду, к последним секундам. В них, в этих последних секундах рекорд-

ного заезда, и заключён вопрос, мучающий Елыгина долгие годы.

Утренняя работа Лаза заканчивается. Взяв вожжи на себя, Елыгин велит Лазу идти шагом. На сухой породистой голове жеребёнка вздулись вены, пар толчками летит из его тонких ноздрей: нынче рано пришли холода. Елыгин выезжает с дорожки, сдаёт Лаза конюху, напоминает, что нужно поставить лошадь на водилку под тёплой попоной, и, сбросив грязную робу, идёт в свой кабинет отдохнуть.

Минут через двадцать конюх заглядывает в кабинет доложить, что для работы готова ещё одна лошадь. Елыгин сидит за столом, подперев ладонью подбородок. Он выслушивает, согласно кивает и с тоской говорит не то конюху, не то себе:

– Говорят, скакал Микроскоп в Ирбите. Видать, научили...

Судьба Микроскопа была решена на втором месяце его жизни.

В родословной Микроскопа переплелись имена рысаков трёх классических орловских линий – Мецената, Громадного и Ветерка. Но не от каждого из своих именитых предков взял Микроскоп поровну.

Мать его, воронья Молва, была дочерью Махаона, по прямой мужской линии происходившего от Мецената. Изящны и благородны потомки Мецената. В прошлом славная ветвь породы, эта линия в наши дни уступает место другим, рас-

творяется, исчезает.

Иное дело – линия Громадного, также старая, но процветающая, творящая историю породы. К этой линии принадлежал отец Микроскопа – вороной красавец Парус.

Но не в отца пошёл Микроскоп, не был он ни рослым, ни нарядным, не выделялся бурным темпераментом. Где-то в отдалённых рядах его родословной стояло имя некогда знаменитого Вармика, попавшего на ипподромные бега из пролётки извозчика по случаю отчаянного пари и так блестяще выигравшего крупный приз, что цена его мгновенно возросла в двенадцать раз. С каждой новой победой она увеличивалась и в конце концов достигла небывалой цифры – пятидесяти тысяч рублей! Обрастая легендами, слава пережила бывшего лихача, перейдя сначала к сыну его Вию, а потом к внуку Ветерку. Микроскоп был правнуком основателя линии Ветерка, кровь Ветерка и сказалась в нём сильнее всего. Микроскоп был способен, добр и необыкновенно отдатлив.

Однако, не было в нём ничего с точки зрения селекции выдающегося: ни замечательного сложения, ни особой крепости. Законы селекции беспощадны: Микроскоп не мог быть оставлен в конном заводе, сколько бы рекордов он не побил.

Больше того: в сложении, в экстерьере, как говорят зоотехники, Микроскоп имел и недостатки. Он был невысок, растянут и, главное, размёт передних ног придавал его бегу несколько неряшливый характер.

В Москве на совещании селекционеров как-то зашёл разговор о том, что орловец не способен рано и быстро прогрессировать, что лишь к четырём годам, а то и позже, он может бежать резво, и в этом отношении, несомненно, уступает метисам – так на коннозаводском просторечии именуется русский рысак. Все были единодушны в своих выступлениях, и, подогретый этим единодушием, директор конного завода Богданов спросил:

– Хотят ли те, кто сомневается в орловце, иметь двухлетнего резвача?

Горячий характер Богданова известен. Выступать он умеет, часто бывает трудно понять, то ли доклад у него, который он помнит наизусть, то ли блестящая импровизация. Но тут он, конечно, увлёкся... Богданов же задумался, что-то припоминая, что-то оценивая, и сказал вполголоса твёрдо:

–Вы будете его иметь.

Жизнь в конном заводе шла своим, однажды и навсегда установленным порядком. Зимой в деннике озабоченной Молвы появился щуплый жеребёнок на несоразмерно длинных, стеклянно-хрупких ногах. Жеребёнка назвали Микроскопом.

Своё первое лето Микроскоп провёл на лесных пастбищах в табуне маток, жевал, подражая взрослым, траву, поражаясь разнообразию солёного, кислого, горького. Тело его стало плотным, послушным, шаг уверенным, вид гордым.

Подчиняясь людским причудам, он позволил надеть на себя недоуздок, не догадываясь о назначении этих щекочущих кожу, резко пахнувших ремешков.

В конце лета жеребят отнимают от матерей, и несколько дней они проводят в тоске и беспокойстве, смутно догадываясь, что случилось непоправимое. Но коротка их память, и скоро встреча с матерью ничем не взволнует их.

Зимой жеребят заезжают. Это происходит на восьмом месяце их жизни. Сначала водят их вдвоём: наездник сзади, за вожжи, помощник – за недоуздок. Они знакомятся со вкусом и запахом металлического мундштука. Выглядят они в это время смешно и трогательно, маленькие лошадки во взрослой упряжи, в длинных, не по росту, оглоблях. Они капризничают, пятятся назад, поворачивают в сторону, не понимая вожжей, валятся на землю, озоруя. Им дают время привыкнуть, запрягают не каждый день, настойчивая рука наездника понуждает их и, наконец, они соглашаются с неизбежным.

В учёбе проходит второе лето, теперь их зовут полуторниками, они постигают ипподромную азбуку, привыкают к шороху качалки за спиной, к поворотам, компании сверстников на дорожке, начинают понимать приказы наездника, когда движением пальцев он легонько переводит вожжи, требуя то ускорить, то замедлить бег. Они узнают, что кроме шага и галопа, есть тихий, средний и весёлый трот, размашка, мах, резвая работа, езда на приз. Первое лёгкое давление мундштука на губы, первое прикосновение хлыста... Имен-

но прикосновение. Хлыст для орловца – высшее и, как правило, незаслуженное наказание.

Нужно привыкнуть к громогласному трактору, к быстро летящей машине, к гудку электровоза, к белью на верёвке, которым, как флагом, размахивает ветер, к какому-нибудь бревну или камню на дороге, которого не было неделю назад: зрительная память у лошади феноменальна.

К концу второго лета они знают и умеют много, но они ещё дети и никак не могут понять, почему их ненавидят взрослые жеребцы, зачем так страшно рывкают на них, оскалывая чудовищные зубы.

Больше всего на свете Микроскоп любил зелёный ковёр левады. Ах, эти докучные конюхи, бесконечно скребущие и моющие их спины, плечи, ноги! Вместе с товарищами, приплясывая от нетерпения, Микроскоп шёл за конюхом к воротам левады и никак не мог дожидаться, когда отцепят от недоуздка повод, чтобы тотчас броситься в тот угол просторного травяного поля, где бурлит, ртутью переливается живой клубок. Кренясь всем телом то вправо, то влево, мчатся кони, вбивая копыта в густую траву. Вот их заметили, скачут навстречу. Сшиблись на полном ходу, разобрались по двое, и, стоя на задних ногах, пробуют зубами волнистые шеи друг друга, падают разом на колени, пытаясь достать передние ноги соперника. Бегут по небу косматые облака, резко и коротко кричат на станции электровозы, пролетают поезда с белыми занавесками в сонных окнах. Они играют, не видя ни-

чего, не слыша голосов с дорожки, возмущённых, предупреждающих. То жеребцы в качалках, круг за кругом огибающие леваду, задирая голову, не отрывая глаз, следят за их весельем и ржут протяжно, с негодованием и угрозой.

Вторая зима проходит быстро, в играх и учёбе, а когда апрельское солнце ласково посмотрит на продрогушую землю, по раскисшей дороге их ведут на станцию и грузят в тёмные гулкие вагоны.

Не многие из них добьются славы на ипподромной дорожке, немногие достигнут высших пределов почёта – победят в крупном призе, приблизятся к результатам легендарных рекордистов. Большинству суждено возвратиться через несколько лет домой. Тем не менее они расстаются навсегда. Ведь они уж никогда не узнают друг друга, никогда не возобновятся их игры. Когда они придут откуда-нибудь из Одессы, Харькова или Киева, всё будет иначе. В заводе к ним будут ласковы, как к больным. Они и в самом деле зачастую больны. У кого треснули копыта, у кого сохнут мышцы. От лёгкого стука в коридоре они вздрагивают всем телом, они не едят, а нервно хватают овёс из кормушек и всё прислушиваются – подозрительно и напряжённо.

Чудится им то далёкая музыка, то торопливый звон колокола, то загораживает перед ними дорожку своими огромными крыльями стартовая машина. Картины ипподрома, оставшегося за тысячи километров, терзают их расстроенное воображение. Они не имеют нужных секунд, не имеют шансов

на приличное будущее, поэтому и дома вновь и вновь должны входить в форму, бежать, бежать во чтобы то ни стало. Это называется доиспытания. Это можно назвать испытанием судьбы. И они, кажется, понимают, как важно им хорошо выступить, и упорно воюют за свои дорогие секунды. Они навсегда забыли доверчивое, добродушное детство.

И уже сами злобно рывкают на молодёжь и, чуя близость какого-нибудь полуторника, бьют в дверь и стены денника, как молотом, коваными копытами.

– Неизвестно, как бы сложилась карьера Микроскопа, будь он отправлен на ипподром, – неторопливо повествовал адвокат. – Скорее всего, он прошёл бы путь рядовой лошади, потому что, повторяю, в нём не было ничего выдающегося, ничего, что позволяло бы ждать от него необычных секунд.

Но Микроскопом распорядились иначе. Он не покидал на годы родной завод. Ипподром Микроскоп видел считанные разы, в дни своих выступлений. А на дорожке им управляла знакомая с младенчества рука, твёрдая, но ласковая. Среди конников Елыгин был известен не только как мастер тренинга, но и как мастер восстановления самых больных, самых отбойных лошадей, многим из них вернул он успех и силу, обеспечил будущее. За свою короткую жизнь в заводе Микроскоп получил столько внимания и ласки, сколько вряд ли получили все его сверстники, товарищи по играм в леваде.

Микроскоп был ещё несмышлёнышем, а существование

его уже подчинялось в подробностях продуманному плану.

Почему всё-таки для эксперимента Елыгин и Богданов выбрали именно Микроскопа? Во-первых, потому, что много черт он унаследовал от своего прадеда, резвого Ветерка, во-вторых, Микроскоп был рождён в январе, стало быть, первая зелень и первое солнце весны были его, а это значило многое. И в-третьих, с первых недель его существования было отмечено его почти человеческое доверие к людям. Качество, которое, несомненно, привил ему и развил в нём тренер Елыгин.

Ещё под матерью частенько проводывал Микроскопа Елыгин. И всякий раз в его карманах находились то кусочки сахара, то сладкая морковь. Удивительно ли, что на зов Елыгина, приехавшего на пастбище, Микроскоп мчался откуда-нибудь из-за кустов, как щенок, как ребёнок... Кормили Микроскопа не из общего котла. По зёрнышку отбирал Елыгин тот чистый овес. Корма были отличные, и давали их Микроскопу полной нормой. Детство у Микроскопа было коротким. Мать скоро потеряла на него всякие права. Нянькой его и учителем стал Елыгин. На шестом месяце Микроскоп узнал вожжи и вкус удил. Качалку он принял от своего старшего друга и наставника спокойно, вёл в ней себя как бывалый призовой боец.

Круг заводского ипподрома они не любили. Обычно они уезжали в лес, разумеется, не в качалке, а в лёгком прогулочном шарабане. Зимой же – в кошевке с оглоблями и дугой.

В тишине, в лесном безмолвии им было хорошо вдвоём.

– Аккуратненько, не заторапливайте, – наказывал Богданов, навещая их. – Набирайте километры, но чтобы и в рукавах оставалось. Чтоб он всегда хотел поработать ещё.

О рекордах они думали про себя. Разговоры нервировали бы Елыгина, а его беспокойство передавалось бы Микроскопу. И когда Елыгин заговаривал о конечной цели их работы, Богданов посмеивался:

– Посмотрим, на что способен орловец, вот и цель. Так и Микроскопу объясняйте...

Он формировался гораздо быстрее сверстников, но оставался жеребёнком неброским. Да ещё этот размёт... «Готовь Микроскопу железные наколенники!» – советовали Елыгину. Но, удивительно: Микроскоп не носил и той обуви, без которой не обходится самый ладный рысак. И ещё одно поражало в Микроскопе: он бегал всегда только рысью. А ведь естественный аллюр – это галоп. И когда выжимают резвость, рысак, прошедший самую хорошую школу, нередко скачет. Микроскоп же не умел скакать. В это было трудно поверить. Случалось, Елыгин бросал вожжи, показывал хлыст. Ничто не действовало. Микроскоп не сбивался. Сотни лет человек приучает рысистую лошадь забыть галоп, но природа берёт своё. Микроскоп же в этом отношении был как бы уступкой природы, как бы наградой человеку за его бесконечный труд. Причиной этой странности был, несомненно, длинный, стелющийся ход Микроскопа. Когда и без того

невысокий, он набирал призовой пейс, то вытягивался вровень с качалкой в тугую поющую струну. От того, что это был эксперимент, от того, что полной уверенности в его успехе не было и у самого Богданова, был и взят ничем не примечательный жеребёнок. Но и недостатки Микроскопа странным образом помогали задуманному.

...С весны Микроскоп начал регулярно выступать на ипподроме. Елыгин как бы ушёл с ним в длительный отпуск. Не доверял жеребёнка никому из штатных ипподромных наездников. В конце сухого и жаркого августа в одном из заездов Елыгин впервые ослабил вожжи, и впервые в истории так стремительно пошёл к финишу двухлетний орловец. Зрители были потрясены, конники обескуражены лёгкостью победы, бесстрастные судьи объявили новый всесоюзный рекорд. План Богданова был выполнен.

Когда Елыгин и Микроскоп вернулись с Московского ипподрома в родной завод, Богданов осмотрел жеребёнка и пришёл в восторг: Микроскоп был, в абсолютном, как говорят конники, порядке.

– С рекордом!

– А я недоволен, – сказал Елыгин.

Богданов поднял брови.

– Поосторожничай я. Время могло быть лучше.

– На то и рекорды, чтобы их отвоёвывать по крупице!

Елыгин думал о чём-то своём. Черты лица его заостри-

лись сильнее обычного.

– Мы готовы к большему, – произнёс он, нахмурившись. – Мы должны выступить ещё. Через три недели открытый приз.

Если другой рвётся на совет, нарочно вызывает на спор, чтобы проверить себя, выслушав возражения, то не таков Елыгин. Можно, конечно, запретить ему выступать. Но это не для Богданова. И не для Елыгина. Он будет переживать приказ тяжело и долго, отказ заденет его глубоко. Лучше посоветовать, поправить как бы между прочим... И Богданов улыбнулся:

– Это хорошо, что вы чувствуете в нём запас. Нам всегда так кажется. Только три недели, думаю, маловато. Он ещё очень зелен. Сама клетка нервных тканей, сухожилий, мышц молода. Через три недели Микроскоп не придёт в лучшие формы, а ведь для рекордных выступлений нужны абсолютно благоприятные обстоятельства. Состояние лошади, погода, дорожка, настроение обоих...

Три недели перед открытым призом Елыгин не расставался с Микроскопом. Сам задавал ему корм, сам чистил его и всё разнообразил тренировки. Они ездили в шарабане, прогуливались верхом, выезжали на пашню. Микроскоп чувствовал себя как-то особенно хорошо и всё ласкался к Елыгину.

– Ешь! – ворчал Елыгин, видя, что Микроскоп не наклоняется к сочной траве.

Но Микроскоп смотрел ему в глаза и, озорничая, брал траву лишь из рук.

В вечер перед отправкой на ипподром между Елыгиным и Богдановым состоялся ещё один разговор. За окнами директорского кабинета темнело, но Богданов не включал огня.

– Всё-таки решили ехать?

Елыгин не отвечал.

– Иван Степанович, – говорил Богданов, – вы заработали право выступать без моего разрешения. Вы дрожали, вы корпели над Микроскопом. Вы лучше меня чувствуете, сколько с него можно спросить. Если бы речь шла о лошади, которую вы готовили за зарплату... Но в Микроскопа вы вложили всего себя, и я не могу мешать вам.

– Я хочу ещё раз улучшить орловский рекорд, закрепить его. Я думаю даже... – Елыгин закусил губу и замолчал. Богданов смотрел на него внимательно. – Словом, мы не можем терять времени. Сентябрь. Беговой сезон заканчивается. Дорожка с каждым днём всё тяжелее. Конечно, можно подождать следующего лета. Но тогда всё начнётся сначала, придётся штурмовать рекорды трёхлеток. И мы будем их штурмовать! – Елыгин потрянул головой, – но сейчас нужно...

– Что, Иван Степанович? – мягко спросил Богданов.

– Но Елыгин опять замолчал, ушёл в свои мысли.

– Я, – говорил адвокат, – присутствовал при этом их разговоре. Я вообще частенько сиживал в кабинете Богданова.

Хозяйственник это был выдающийся. Голландское стадо коров било союзные рекорды, урожаи для Нечернозёмья были умопомрачительные. Но главная страсть его был, конечно, орловец. Тут уж Богданов был чародей и маг. И заслуги были соответствующие у него: заслуженный зоотехник, Герой труда. Напрасно сегодня крикуны, именующие себя либералами, представляют «Совок» царством бездельников. Если бы «совки» бездельничали, что бы сегодня рвали друг у друга новые «финансисты» и «предприниматели»? Я ходил по конюшням и коровникам, выезжал в поля, затевал разговоры с людьми, нередко толковал и с Елыгиным. Везде я находил порядок. Защищать Богданова и его завод в судах было делом нелегким, но интересным. Начальство и в районе и в области открыто ревновало к нему, ведь он был живым примером того, как нужно руководить делами, а это не всем нравилось. Да и в самом хозяйстве обнаруживались лентяи и клеветники, писавшие на Богданова жалобы в «партийные органы». Работы юристу хватало... С детских лет субъект любопытный, я между делами постигал и азы коннозаводства.

Не столь уж разнообразны человеческие слабости. Может быть, славы искал Елыгин? Или жаждал получить приз? Нет, ручаюсь, не думал Елыгин о славе, об успехе. Что касается приза, то и вовсе не о чем говорить. Копейки. Можно ли достойно оплатить годы трудов, огромную, сложную работу?

Иное держал в голове Елыгин.

...До начала 20-го века не было рысака в Европе, способного противостоять орловцу на беговой дорожке. К тому же редкая красота и сила его, необычайная самоотверженность в работе, «отдатливость», высокая типичность, словом, все качества, над которыми к тому времени уже более сотни лет трудились талантливые русские селекционеры, тренеры, наездники и конюхи, делали эту породу первой. Американский рысак, выведенный в конце девятнадцатого столетия исключительно как призовая лошадь, рядом с орловцем казался карикатурой. Маленький, только дым возить, одна грудная клетка. Но американец бежал, как сумасшедший, выигрывал призы, он зарабатывал хозяину деньги. Тогда и появилась мысль прилить кровь американского рысака к орловской, получить лошадь, способную соперничать с американцем.

Сказано – сделано. Волна метизации захлестнула конные заводы. Она породила коня, уступавшего орловцу в красоте, самоотверженности, благородстве, но часто превосходившего орловца в резвости.

Это была настоящая золотая лихорадка. Один удачный подбор – и в кармане коннозаводчика тысячное состояние. Коннозаводчики спешили наверстать упущенное время, искали, пытали судьбу вкривь и вкось. Удача улыбалась то одному, то другому, на бесчисленный брак закрывали глаза.

Гролом среди ясного неба прозвучали победы Крепыша. Всеми мыслимыми для лошади достоинствами обладал несравненный орловец. Мощь и элегантность, доброта, са-

моотверженность и какая-то необыкновенная плавность хода! Заокеанские гастролёры казались рядом с ним заморышами. Превосходил он их и резвостью. Куда было до него метисам! Волна метизации пошла на убыль. Бросились приводить в порядок расстроенное племенное дело.

В восемнадцатом году ценнейшего рысака красные прятали от наступавших белых. При погрузке его в вагон торопились и не заметили плохо положенного трапа. Лошадь века, бесценный Крепыш, рухнул на землю со сломанной ногой и орловская порода лишилась своего кумира и грозного защитника.

Прошли годы. Не был забыт Крепыш но не были забыты и опыты метизации. Рядом с орловской развивалась и совершенствовалась новая рысистая порода, те самые метисы, получившие имя русского рысака.

Никто не сомневался в праве орловца на жизнь. Составлялись планы работы с ним, пестовались линии и семейства, учреждались специальные призы. Но всё же основная часть призов была смешанной, где орловец и русский рысак выступали на равных правах. А ведь наездникам проще работать с метисом. Он не так ломок, он, например, не боится хлыста, хлыст не оскорбляет его, погоняемый, он умеет сбегать силы. Возможности же пылкого орловца способен раскрыть только мастер. И от орловца помаленьку уходили люди с мягкими тёплыми пальцами. Приходили люди новые, хваткие, нетерпеливые, раздражительные, равнодушные к судь-

бам породы, мечтавшие лишь о том, чтобы каждый беговой день иметь хотя бы одно призовое место. И орловец бежал, входил в нужные классы, нагонял метиса, порой опережая его...

Елыгин мечтал вернуть породе славу Крепыша. И когда в его распоряжении оказался вороной жеребёнок, неброский статями, но поразительно энергичный, неутомимый и верный в езде, со странной способностью ни при каких обстоятельствах не сбиваться в галоп, Елыгин понял, что может сделать решающую попытку. Два года он не знал ни часу покоя, ни дня отдыха. Как я понимаю сейчас, прожив столько лет и наглядевшись перестроек и приватизаций, Елыгин был типичный homo soveticus. Репрессии его лично не коснулись, а вот пропаганда и агитация своё дело совершили: он был предан идее, делу. Притом, не своему собственному, а общему, абстрактному, как сегодня вам объяснит любой школьник. Но за такие именно дела елыгины отдавали всё: время, силы, творчество, а если требовали роковые обстоятельства, и саму жизнь. Переступить через своё, малое, чтобы добиться большего и для всех – так воспитывали то поколение. Рассказы о Гастелло и Матросове – отнюдь не выдумка. Тогда их было много, таких, как сказали бы сейчас, «упёртых». Теперь их практически не встретишь. Ну, кто за идею, за флаг готов умереть? Вы шутите? Конечно, если эта идея – деньги, бабки... тогда другой вопрос, можно и потщиться. Не умереть, конечно, но попариться. Можно ли на алтарь победы

принести жизнь Микроскопа? Опять-таки, если этого требует дело, то можно. Но Елыгин об этом не думал, ибо даже в мыслях не мог допустить такое. Понятно, что никакого вреда лошади он не сделает. А рискнуть стоит. Но не более того. Да и какой же риск, если Микроскоп готов к рекордной дорожке? Вреда лично для себя, каких-то осложнений Елыгин вообще не видел. Он не знал тогда всей силы своей любви к этому коньку-горбунку. Эта любовь была осознана позже, когда уже ничего нельзя было исправить...

На своём веку директор конзавода Богданов видел дружбу человека и животного. Но таких отношений, которые установились между Елыгиным и Микроскопом, ему, пожалуй, наблюдать не приходилось. Это была подлинная любовь, это были отношения отца и ребёнка. Елыгин не расставался с Микроскопом, что-то неодолимо влекло его к вороному жеребчику. Он являлся в конюшню среди ночи. Дежурные привыкли к его поздним визитам, они знали, что тренер скажет Микроскопу всегда одни и те же слова: «Я с тобой... я с тобой...» И услышит в ответ тихое благодарное ржание.

«Он любит Микроскопа, он пощадит его», – решил Богданов, глядя на погружённого в раздумья тренера.

О борьбе с Микроскопом не могло быть и речи. Все отстали на первой четверти круга, точно водой отнесло соперников. Три четверти круга они были в рекорде метисов. Ес-

ли бы это произошло раньше, этот спад, Елыгин сдержал бы Микроскопа. Но спад произошёл на последнем повороте. Финиш летел навстречу, уже видел Елыгин высокий столб, уже неслись справа чёрные от людей неистово гремевшие трибуны. Микроскоп никогда не держал в запасе сил, он доверял себя своему хозяину, своей няньке. Он старался, он отдавал всё, что имел. Это же знал Елыгин! В какое же чудо поверил он? Нет, ни о чём он не думал, некогда было думать. Уходила последняя надежда, последний миг... Кажется, это не он, кто-то другой опустил черёмуховый хлыст на залитый потом круп Микроскопа. Лошадь рванулась.

«Орловец бежит не ногами, орловец бежит сердцем», – любил говорить Елыгин. По сердцу и пришёлся посыл.

Столько лет Елыгин работал с лошастью и столько лет был свято верен зароку оставлять ей хоть маленький запас сил! Не вычерпывать их до дна. Однажды выполнив непосильное, лошадь навсегда теряет интерес к победе. Она будет здорова, будет иметь беговой опыт. Всё будет, как было. Только исчезнет нетерпение борьбы, только потускнеет взгляд. Однажды выполнив сверхпосыл, орловец уже никогда не сотворит ничего больше. Так и случилось с Микроскопом.

Орловский рекорд для двухлеток был повторён и улучшен. Елыгин на что-то надеялся, думал, что обойдётся. Да и можно ли было поверить, что ты достал, сжёг чью-то душу? Два года потом он возился с Микроскопом, упрасивал Богданова не продавать его. Но с тех пор Микроскопа по-

настоящему хватало только на три четверти круга, до того рокового места.

Нет, не Микроскопу суждено превзойти русского рысака. Другой орловец пробежит дистанцию резвее, сбросит оставшиеся доли секунды. А Микроскоп... Пусть благосклонно примут орловцы жертву от скромнейшего из собратьев. Не беда, что они не знают об этой жертве. О ней знает человек с острыми чертами лица и усмешкой на сухих губах. Он хром, его удачно ранило на войне.

А если бы удалось? Если бы рекорд метисов был побит?

– Я частенько виделся с тренером Елыгиным, – закончил свой рассказ адвокат. – Не раз мы с ним выпивали по маленькой и по душам говаривали. И неизменно Елыгин выводил разговор на Микроскопа. Слушать его в такие минуты было тяжело и даже как-то неудобно. Ведь всё же я не священник, чтобы принимать недужные исповеди. И потом, ведь они вдвоём с Микроскопом добились немало! Ну, для чего же себя бесконечно мучить? Никто никаких претензий Елыгину никогда не предъявлял. Как юрист, могу заверить, что состава, события преступления не было. А разговоры о том, что животные тоже имеют душу, только она не в их разуме, не в логосе квартирует, поскольку логоса у них нет в наличии, а в крови разлита, – эти разговоры в лучшем случае – мистика и ничего больше. Что случилось с Микроскопом, понятно. А вот Елыгин... Перед кем грех-то? И кто судия?

Перед людьми он чист. Перед богом? Но он атеист. Перед самим собой? Но разве такая ответственность существует? Выходит, как ни крути, Елыгина мучила вина перед лошады, человека – перед существом неразумным и бессловесным.

Дело это, короче, тёмное и исследованию не подлежит.

...А если бы они побили рекорд метисов, игра бы стоила свеч?

Сколько лет можно задавать себе всё тот же вопрос?

Бьёт колокол. Складывая на ходу крылья, уносится стартомашина. Храп, пыль и грохот копыт. Кренясь, качалки входят в вираж. «Ха-а! Ху-у!» – горячо дышит кто-то в ухо Елыгину. Но вот дыхание слабеет, звук множества копыт исчезает, остаётся одинокое «так-так-так», они одни с Микроскопом на дорожке. Простёрлась посреди ипподрома горбатая левада с пожухлой, но ещё зелёной травой.

И снова тот, последний, поворот...

Виновен, виновен...